

Все скандинавская линия

Роберт Золя
Кристенсен

ВОЗДУШНЫЕ
ШАРИКИ
ЗАПРЕЩЕНЫ

Скандинавская линия «НордБук»

Роберт Золя Кристенсен

Воздушные шары запрещены

ИД «Городец»

2017

УДК 821.113.4-31
ББК 84(4Дан)-44

Кристенсен Р.

Воздушные шарик запрещены / Р. Кристенсен — ИД «Городец»,
2017 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907358-24-9

Датский писатель Роберт Золя Кристенсен (род. в 1964) создает произведения в очень разных жанрах: от книг для детей и детективов до стихов и философской абсурдной прозы. «Воздушные шарик запрещены» (2017) – роман многослойный: это и рассказ о жизни преподавателей шведского университета, и увлекательный любовный треугольник с непредсказуемым финалом, и символическое повествование о современной жизни в Скандинавии. Особый символический подтекст создают в книге знаки и таблички, которые коллекционирует главный герой. Он исследует, как по-разному менталитет той или иной страны находит свое отражение в правилах, предупреждениях и запретах. Вывод неутешителен: человек утратил способность и волю к созерцательности, он живет прежде всего в мире императива, где нет места воздушным шарикам. А попытка вырваться на свободу грозит разрушить личную жизнь и карьеру...

УДК 821.113.4-31

ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-907358-24-9

© Кристенсен Р., 2017

© ИД «Городец», 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роберт Золя Кристенсен

Воздушные шары запрещены

Robert Zola Christensen
Balloner Forbudt

© Robert Zola Christensen og Forlaget Arabesk, København, 2017

© Е. Фетисов, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2021

* * *

Глава первая

Когда я вхожу в аудиторию,

включается свет, я скидываю с плеча на пол сумку и ищу на полке папку с работой Ольги. То, что я до сих пор не научился хотя бы *немного* поддерживать вещи в порядке, конечно, ни в какие ворота не лезет. Одно время я даже делал две-три запасные копии какого-нибудь документа, чтобы потом было больше шансов найти его, когда мне, как сейчас, приходится заниматься поисками.

Меньше пяти минут до ее прихода. Куда запропастилась эта чертова папка? Родители Анники ужинают сегодня у нас. Она страшно рада, что они придут, ведь нужно обсудить, где и как мы будем отмечать ее сорокалетие. Оно приходится на середину июня. Анника обожает свои дни рождения.

Я слышу, как возится за стенкой Давид Хоконссон. Там у него царит порядок, не то что у меня. Хотя легко поддерживать порядок, если ты никогда по-настоящему не напрягаешься. Он воображает себя гандболистом. У нас на факультете он отвечает за составление планов и расписания, но ждет, что вот-вот совершит настоящий прорыв в университетском гандбольном клубе. Этот головокружительный прорыв пока заставляет себя ждать, но всякий раз, когда мы собираемся, чтобы определить даты приема экзаменов, а делать это приходится несколько раз в месяц, мы вынуждены выслушивать *ржачные* истории из гандбольной жизни, притом что смешного в них ноль. У меня нет никакого желания продолжать их слушать, поэтому я перешел на согласование всех вопросов по электронной почте, даже если он при этом сидит за стенкой, в двух метрах от меня. Когда мы сталкиваемся в коридоре, я вижу по его лицу, что он удивлен моим поведением, но тут уж ничего не поделаешь.

Вот она, ее работа, наконец-то. Между «*Les mots et les choses*»¹ Фуко и стопкой с отчетностью по успеваемости студентов, прослушавших базовый курс в весеннем семестре 2012 года. Мы прозвали его «вешний».

Я сажусь за свой стол и пролистываю то, что она написала. Три дня назад я получил мейл от этой студентки, она спрашивала, нельзя ли зайти забрать работу и услышать мое мнение о прочитанном. Разумеется, ответил я, только вот какую цель она преследует? Задание она сдала четыре месяца назад.

Теперь я вижу, что там масса ошибок, допущенных по небрежности. На первой странице она поместила карту Дании того периода, когда страна была больше, а территория, на которой сейчас расположен университет, была датской. Ольга Преображенская, так зовут девушку. Преображенская.

Что я про нее помню? В аудитории она всегда сидела за одним из последних столов, высокие скулы, бледная кожа. Если память мне не изменяет, она как-то рассказывала, что приехала из Петербурга, а вот, кстати, и она, Ольга-как-ее-там-Преображенская собственной персоной. Привет, говорю я, поднимаюсь со стула и приглашаю ее войти. Я уже забыл, что она такая высокая. Никак не ниже метра семидесяти пяти. Очень стройная и худенькая, ладно сложенная, этого у нее не отнимешь.

Спасибо, что нашли время, говорит она и улыбается своими ярко-красными губами. Она настаивает, чтобы я говорил с ней по-датски, хотя кашеобразный язык моей страны дается ей с трудом. Ее шведский, правда, тоже оставляет желать лучшего, но у нас здесь, на *филологическом факультете*, это не проблема. Студенты приезжают из разных стран, все говорят кто на чем может и чувствуют себя свободно.

¹ М. Фуко. «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966).

Я хлопаю ладонью по ее листкам, словно говоря тем самым: ну посмотрим, что у нас тут. Что ты хочешь от меня услышать?

Она ничего не говорит, молча расстегивает длинными пальцами верхние пуговицы на своей кофточке. Под ней открывается белый топик с двумя узкими лямками. Я отчетливо вижу их, две маленькие грудки, почти как у девочки. Лифчика на ней нет.

Я бесцельно переворачиваю листки и изрекаю что-то про Роскильдский мир, но на самом деле не свожу глаз с того, что она, очевидно, хочет мне продемонстрировать.

Тут она объясняет на своем раскуроченном до неузнаваемости датском, что в действительности она пришла поинтересоваться, не смогу ли я руководить ее магистерской, которую она начнет писать осенью здесь, в университете. Собственно, она подумала, почему бы не расширить ту работу, которую я сейчас держу в руках, поэтому и пришла поговорить.

Я говорю ей, что да, тема на самом деле актуальная и интересная, вне всякого сомнения, но как она, вероятно, помнит, я специализируюсь на датской литературе и культурологии с позиции географических факторов. Демонстрирую ей фотографии табличек и дорожных знаков, развешанные у меня на доске для объявлений, и рассказываю, как я весь февраль и март таскался пешком по Дании и Швеции, делая эти снимки, поскольку знаки, которыми мы пользуемся, например, дорожные, очень многое могут сказать о ментальном пространстве, в котором их установили. В качестве классического примера я привожу датскую табличку с надписью: *Собака кусается*, тогда как шведский вариант того же знака звучит несколько мягче: *Осторожно, собака*. Разве это не свидетельствует о том, кто мы и как мы мыслим?

Она улыбается, давая мне понять, что я чересчур увлекся.

Эта улыбка выводит меня из себя – что она себе возомнила? Что перед ней тут, мальчик? Может, в России такие штучки и прокатывают, но не надо заявляться сюда, в мой кабинет, и разыгрывать тут свои женские козыри, которых к тому же и нет, и, ловя себя на том, что, совершенно не стесняясь, плююсь на ее грудки-«вишенки», я слышу собственный голос, говорящий, что изучение датского здесь, в Лундском университете, конечно же, не ограничивается узкими рамками, и я обязательно подумаю над ее предложением.

Отличная идея, мне очень нравится,

говорю я и делаю глоток белого вина, бутылку которого тесть привез с собой. Он неплохо понимает в винах.

Мы выходим на новую террасу. Тесть объясняет мне, что яблони, которые я только что посадил, на самом деле никакие не яблони, а айва. Вы не сможете ее есть, говорит он. Ее даже птицы не клюют. Зато, как следует из его слов, у меня будет адски много падалицы осенью, и все это сгниет у меня впустую.

Я парирую, что такова моя *се ля ви*, и мы смеемся. И выпиваем еще вина.

Он мне нравится, тесть. Раньше он преподавал в гимназии и привык держать всех и вся в ежовых рукавицах.

А вот тещу я терпеть не могу. До меня уже дошло, что она всегда считала меня типом, которого Аннике не следовало выбирать в мужа. Она вообще человек, который всего боится.

Да, прекрасная идея, повторяю я, когда теща с тестем наконец собрались домой и мы стоим в дверях. Было решено отметить день рождения Анники в городке Симрисхамн 18 июня. Своим тесным кругом, плюс Анника позовет пару-тройку подружек. Можно еще, наверное, пригласить кого-то из коллег, пару человек, и на этом все.

Когда они уходят, а Анника садится смотреть по телевизору шоу Фредерика Скавлана², я поднимаюсь к себе и устраиваюсь за компьютером. Я знаю, жена терпеть не может, когда я так

² Фредерик Скавлан – норвежский актер, журналист и телеведущий. За свое ток-шоу первым из норвежцев получил звание лучшего ведущего на шведском телевидении.

поступаю, но я все-таки делаю это. Не хочу смотреть шоу. Этот Скавлан – самовлюбленный тип, которому к тому же не терпится показать, какой он весь из себя скромный и вежливый. Получается это у него довольно скверно.

В почте письмо от Ольги. Она благодарит за встречу и спрашивает, успел ли я уже подумать над ее предложением. Я опять чувствую, как закипаю от злости, вспоминаю ее худенькую фигурку, сидевшую передо мной, кости торчат отовсюду, как у скелета, груди никакой. Отвечаю ей, что, если не произойдет чего-то непредвиденного, то в общем-то я готов быть ее научным руководителем.

Направляясь в следующую среду

на заседание кафедры, которое скоро начнется в факультетском клубе, я прохожу через столовую с чашкой горячего, только что сваренного кофе в руке и вдруг замечаю Ольгу.

Она стоит под дождем в компании какого-то парня. Дождь льет как из ведра. Я вижу, как она пытается объяснить что-то своему спутнику, и ее слова его ранят. Он похож на одного блондина, Торстена, который когда-то был моим студентом. Один из тех избалованных парней, у которых вечно пухлые щеки и которые чуть ли не до седины выглядят юнцами.

Впрочем, под это описание вполне подходят многие шведы. Бьорн Борг³ один из них, и мне кажется, что на самом деле с него и пошла традиция шведов так выглядеть.

Ольга закуривает сигарету, хотя табличка, к тому же довольно большая, предупреждает, что запрещено курить в радиусе пятнадцати метров от здания факультета.

В такой ливень это приличное расстояние. Но Ольге, похоже, наплевать на подобные предупреждения. Никак не пойму, нравится ли она мне. Правда, выглядит она отменно, приходится это признать. В ней есть что-то притягательное, но я пока не могу уловить, что именно. Мне кажется, ее притягательность как-то связана с тем, что все в ней какое-то вытянутое. Длинные ноги, руки длинные – да даже пальцы ощутимо длиннее, чем обычно у девушек, и все это мне очень нравится. Как и выражение ее глаз. От нее исходит грубоватое, русское обаяние, смешанное при этом с неуверенностью, присущей всем молодым людям. И это очень сексуально.

Через стеклянную дверь мне видно, как Бритта подзывает меня рукой. Собрание сейчас начнется.

Я бреду нога за ногу, потому что мне не хочется ничего упустить из разговора Ольги с молодым человеком, но упускать больше нечего, потому что Торстен тащится восвояси, понурив голову. Да, Торстен, вали под дождь, давай, давай, под дождь.

Я ускоряю шаг и вхожу в клуб, где собрались преподаватели и где меня, я это прекрасно знаю, ожидает тоскливое до зевоты времяпрепровождение, но я помню о том, что скоро снова увижу Ольгу, потому что уже через два часа она придет ко мне как к научному руководителю на первую консультацию.

Я выхожу в коридор

посмотреть, не идет ли Ольга, потому что она должна была появиться еще четверть часа назад. Это никуда не годится. Я возвращаюсь в кабинет и надеваю плащ, поскольку дождь и не думал прекращаться. Поливает вовсю. Когда она через какое-то время придет, меня уже на факультете не будет, и сегодня я уже не вернусь на работу, я не намерен торчать здесь и просиживать штаны как идиот. Поскольку я не из тех людей, которые ждут, и уж точно не из тех, кто будет слоняться из угла в угол, убивая время.

В коридоре раздаются быстрые шаги.

³ Бьорн Руне Борг – знаменитый шведский теннисист.

Я сажусь за стол. Делаю сосредоточенное лицо. Плащ. Обнаруживаю, что он все еще на мне. Поспешно стаскиваю его и кладу на стол. Так тоже не очень. Отправляю его на крючок вешалки, где ему и место. Напускаю на себя вид ужасно занятого человека. Не вчитываясь, листаю какие-то бумаги.

Но это не Ольга. Это мой сосед, вечно спортивный и подтянутый Давид. Я прямо ощущаю, как он раздумывает, не сунуть ли голову в мой кабинет и не поздороваться ли, раз уж у меня дверь нараспашку.

Сию не шелохнувшись. К счастью, он проходит к себе.

Проверяю почту, но от Ольги ничего нет. Зато пришла еженедельная информационная рассылка от факультета, в письме сообщается, что Бритта опять получила грант на свой дискурсивно-аналитический проект по проблемам дидактики. Как такое возможно? Бритта – это просто какой-то комбайн по уборке стипендий и грантов, хотя все, что она делает, сводится к перемалыванию уже перемолотого. Кто-то должен написать о том, насколько все это убого. Я должен написать, вдруг осеняет меня. Я должен стать тем человеком, кто возьмет на себя миссию разоблачить ее и ей подобных, перекормленных грантами, потому что когда я смотрю на все эти диссертации, которые защищаются, книги, которые издаются, отчеты, которые пишутся, то...

Пускай, не твои же деньги, говорю я себе. Тебя это, собственно говоря, не касается, сконцентрируйся на своих делах. На душе становится немного спокойнее.

И помни, что у тебя есть база данных с твоими табличками и знаками. Она-то уж точно чего-то да стоит.

Когда я возвращаюсь домой,

Анника спрашивает, как я смотрю на то, что она пригласила еще Осэ и Лену. Она упоминает об этом как бы между прочим, с такой интонацией, как будто ей самой это не так важно, хотя отчетливо видно, что это не так. Прекрасно смотрю, отвечаю я. И добавляю: твой день рождения, тебе решать, кого ты пригласишь. Поступай, как хочешь.

Мы обсуждаем это на кухне, потому что как раз собирались вместе приготовить что-нибудь на ужин. Но тут у нее звонит телефон. Она бросает взгляд на дисплей, проверяя, от кого звонок, кивает мне и выходит в гостиную.

Ну что ж, не проблема, начну пока готовить без нее. Я наливаю в большую кастрюлю воды из-под крана, ставлю ее на плиту и добавляю соль. Анника в гостиной продолжает разговаривать с кем-то, понизив голос, а я тем временем лезу в высокий кухонный шкаф в поисках тех макарон, которые особенно нравятся нашим девочкам.

Наверное, обсуждают день рождения, говорю я себе, нарезаю лук. Потом отрываю помидоры от веточек, на которых они растут, и вообще-то, пока закипает вода, я хотел еще успеть вынести мусор, рассортированный надлежащим образом и ждущий меня под мойкой, но тут замечаю, что Ан-ника стоит перед дверью в спальню. Что она там забыла?

Я хочу спросить ее, с кем она разговаривала и не хочет ли она помочь мне с ужином, как мы договаривались, но она не двигается с места, а потом слегка поводит своим задом в мою сторону, как это делают звери в лесу в период наиболее активного спаривания. Дочки пошли играть на большую детскую площадку, которая находится прямо за нашим садом. В этом смысле трудно выбрать более подходящий момент.

Я подхожу к ней, целую в губы и открываю дверь в спальню.

Меньше чем через минуту ее большой белый зад оголен, а влажная щель приоткрыта.

И пока я делаю это с Анникой, так что треск раздается на весь лес, и вода на кухне наверняка давно уже выкипела, я не могу избавиться от мыслей об Ольге. Сам понимаю, что это глупо, но в таком случае пускай будет глупо, потому что на умное меня уже не хватает.

На следующий день

приходит мейл от Ольги, в котором она извиняется, что не зашла в назначенное время, дескать, не смогла, так получилось. Она ни слова не пишет о том, что именно ей помешало. Зато сообщает, что поразмыслила и решила писать о Киркегоре.

«Писать о Киркегоре?» А куда канула наша *Великая Северная война*? Как насчет идеи сделать работу на основе предыдущей, расширив ее?

Я сижу за столом вместе с дочками и завтракаю. Обе сегодня совсем заспанные.

Через тонкую стену ванной комнаты слышно, как Анни-ка принимает душ. Мы прожили в этом доме чуть больше двух месяцев, а мне уже ясно, что, купив его, мы совершили ошибку. Потому что мы купили дом, как будто сделанный из бумаги, современный картонный коробок, где все звуки усиливаются.

Анника выходит из ванной, обернувшись большим серым махровым полотенцем. Она надела купальную шапочку, чтобы не намочить волосы. Говорит, что они становятся на удивление жиденькими, как только она начинает мыть голову чаще трех раз в неделю. Я склонен с ней согласиться.

Я улыбаюсь ей, когда она проходит совсем рядом. Она улыбается мне в ответ. Я целую ее в шею. Она уходит в спальню и закрывает за собой дверь. Кажется, в нашей семейной жизни настали благоприятные времена.

Я уже было собираюсь последовать за ней, чтобы развить тему поцелуев, как вдруг раздается «плим». Пришло еще одно письмо, вслед предыдущему. Оно от Ольги.

Она спрашивает, нельзя ли встретиться со мной двенадцатого числа. Пишет, что ей это было бы крайне удобно. Никак не получится, пишу я первую фразу ответа, поскольку вижу в календаре, что 12-е – это воскресенье, а значит, факультет будет закрыт. Но останавливаюсь на середине фразы, поняв, что воскресенье значит не только это. На факультете никого не будет, вот что значит воскресенье. Мы будем совсем одни в большом здании.

Ничем хорошим это не закончится,

говорю я себе и выглядываю в окно. Ольга как раз пристегивает свой велосипед. Потом снимает сумку с багажника. Открывает ее и что-то ищет. Она не торопится. Убирает прядь волос за ухо. Достает мобильный. Что-то пишет.

За моей спиной раздаются два коротких пищющих сигнала, телефон вибрирует на столе. Да, точно. Мы же договорились, что она пошлет мне эсэмэску, чтобы я спустился и открыл ей дверь. Я торопливо иду по коридору, сбегая по лестнице, нажимаю на белую квадратную кнопку, приводящую дверь в движение.

Она улыбается мне, и я веду ее в свой кабинет, где она, не дожидаясь приглашения, садится на стул, вообще-то не предназначенный для студентов, приходящих на консультацию, хотя черт с ним, все искупают исходящий от нее слабый аромат каких-то необычных духов и красная джинсовая куртка. Под курткой платье. Тоже красное, и я ничего не имею против этого. Пока она залезает в свою матерчатую сумку, купленную наверняка где-нибудь в книжном магазине «Странд» в Нью-Йорке, я внезапно ловлю себя на мысли: а как все это будет выглядеть в глазах моих коллег, если кто-нибудь из них заглянет ко мне, проходя мимо этим воскресным днем? Ольга кладет блокнот на мой письменный стол, и я решаю, что нельзя же запретить принимать студентов по воскресеньям. Это немного необычно, да, но не более того.

По словам Ольги, она должна признаться, что еще не приступала к своей магистерской, но мы ведь можем обсудить *мысли*, которые у нее появились по поводу предстоящей работы. Я объясняю, что было бы неплохо, если бы она, как мы изначально и договаривались, прислала мне какие-то пробные фрагменты, чтобы у меня была возможность составить о них мнение.

Она кивает с серьезным видом, и мы обсуждаем, как правильно нужно формулировать тему, это не делается абы как. Рассказав ей, что необходимы новые гипотезы и без них работа

в целом запросто может оказаться пресной и пустой, как мы это видим в случае с некоторыми дискурсивно-аналитическими проектами, я перехожу к Сёрену Обю Киркегору.

Не торопясь, останавливаюсь на важных понятиях.

Ольга перебивает меня, говорит, она не вполне уверена, что понимает мои объяснения, в особенности все, что касается *необходимости* и *возможности*. Я отвечаю, что да, это далеко не элементарные вещи, но пусть она посмотрит на мир животных, взять хотя бы в качестве примера свинью: та просто бежит туда-сюда, жрет, гадит и размножается без единой мысли о чем-то ином, кроме как быть свиньей. Видишь, это есть необходимость в чистом виде, и все бы ничего, но существует еще и *возможность*, потому что нас, людей, никто не принуждает жить под диктовку наших инстинктов и рефлексов, ибо мы *можем* выбрать что-то иное. Это Киркегор в концентрированном виде, основная суть, и как ты, наверное, поняла, Ольга, мы имеем здесь дело с целым рядом идей из Хайдеггера и Сартра, но помни, что именно Киркегор, который есть наше все, был в этом пионером и первопроходцем, и когда человек осознает, что существует ответственность, которую влечет за собой выбор, даже когда он *отказывается* от выбора, человек чувствует страх. Чувствовать этот страх, скажу я тебе, все равно что заглянуть в черную мергельную яму, когда ты на самом деле ощущаешь, как тебя обжигает и опалает, и опять обжигает, и ты теряешь сознание...

Что, ты не в курсе, что такое мергельная яма? Хорошо, тогда вернемся обратно к свиньям, говорю я и думаю, что она могла хотя бы немного приоткрыть моему зору свои прелести, раз уж я сделал выбор притащиться сюда в воскресенье, раз уж я был так любезен и прихлопнулся к работе в выходной день. Никогда не допускай небрежности, слышу я свой голос, когда приходится выбирать между яблоками и грушами, то держись, ради бога, подальше от айвы, а моя рука, живущая своей жизнью, уже пробралась туда, куда никогда не проникают солнечные лучи, и пока мы продолжаем беседовать о Киркегоре, выборе и прочих вещах, я думаю, что там все невероятно податливое и живое, там, у нее между ног.

Никогда бы не подумал, что по мне будет это заметно,

но вот, оказывается, заметно, потому что Анника внимательно смотрит на меня, пока я фланирую по специализированному цветочному магазину, напоминающему супермаркет, поскольку живые растения выстроились в идеально ровный ряд на полках, совсем как стиральный порошок, кола и другие товары.

Обнаруживаю, что вполне реально купить лимонад на кассе, потому что никогда нельзя забывать о детях. Всегда должно быть что-то для них. Такова жизнь.

Я ловлю себя на том, что подношу кончики пальцев к носу, потому что они сильно пахнут Ольгой, перекрывая все те запахи, которые есть в ассортименте магазина. Но как бы сильно я ни распалился, мне пришлось прервать наше с Ольгой занятие, потому что в самый ответственный момент булькнула пришедшая от Анники эсэмэска.

Уже еду, писала Анника, надеюсь, ты не забыл, что мы обещали девочкам взять их с собой в цветочный магазин.

И времени сразу стало в обрез. Совсем в обрез.

Я поспешно одолжил Ольге потерянный экземпляр «Или-или» и выставил ее за дверь.

Через пять минут я уже был на улице, готовый ехать, и с улыбкой на лице встретил Аннику, свернувшую на парковку. Девочки расположились на заднем сиденье. В отдалении я увидел Ольгу, уезжавшую на велосипеде.

У тележки, которая мне досталась и которая совершенно не похожа на тележки в супермаркетах, поскольку она неестественно высокая и при этом неглубокая, заедает колесико, поэтому мне приходится чуть ли не боком волочить ее по проходам, и протянутые по полу шланги отнюдь не упрощают эту задачу.

За что-то взялся рукой? – спрашивает Анника. Она подошла тихо, так что я не заметил ее приближения.

Она берет мою ладонь, притягивает к лицу и нюхает, потом улыбается. Пахнет приятно, говорит она. Я, кстати, взяла лаванду и гибискус.

Глава вторая

Кажется, это самый подходящий вариант,

говорю я и вытираю рот салфеткой. Анника кивает. На ней желтое летнее платье, которого я никогда раньше не видел.

Мы приехали в Симрисхамн выбрать банкетный зал в ресторане «Монс Бюкар». С большим удовлетворением продегустировали еду и напитки, которые будут подавать в день рождения Анники. Вино вполне приемлемо по цене, да и качество не вызывает нареканий. Мы говорим об этом владельцу, вполне вероятно, самому Монсу, когда он подходит к нашему столику. Это очень загорелый мужчина с очками, поднятыми на лоб.

Анника говорит, что, на ее взгляд, нам больше подходит Синий зал. Монс кивает.

Я возражаю, что синий цвет в нем слегка отдает темно-коричневым и что там темновато, хотелось бы больше света с улицы.

Монс со мной не согласен. Он полностью на стороне Анники. Теперь уже она кивает. Они, по всей видимости, сходятся во мнении по большинству пунктов.

Потом мы идем к морю, взявшись за руки, ведь у нас выходные без детей. Девочек мы отправили к родителям Анники. У нас забронирован номер в гостинице «Свеа». Нам обоим кажется, что мы как будто вернулись в молодость, но я чувствую, что это требует от нас усилий. Мы уже не болтаем так легко и непринужденно, как когда-то.

Меня удивляет, почему так происходит, ведь мы оба стараемся изо всех сил. Может, это на самом-то деле и мешает: то, что мы стараемся?

Я все-таки не уверен, что «Монс» – идеальный вариант, говорю я Аннике. Она ничего не отвечает.

Когда мы доходим до конца пешеходной улочки, и перед нами открывается порт и припортовая площадь, и я вижу чаек и облака, и вдыхаю запах водорослей и мороженого в вафельных трубочках, – мне тут же вспоминается Ольга.

Оказывается, другие тоже

не прочь продемонстрировать свои «достоинства». Мне это становится ясно из разговора с Малин, поскольку все то время, что мы пьем кофе, она только и говорит, что о своих.

Мои сиськи не силиконовые, они мои собственные, говорит она, и я не собираюсь ни увеличивать их, как это делают порнозвезды, ни стыдливо прятать. Она говорит, что не будет мириться с культурой насилия, которой общество пропиталось насквозь.

Я замечаю, что у Давида и Кристера, тоже, как и мы, устроившихся за общим столом, где все в перерыве пьют кофе, понемногу складывается представление о прелестях, которые Малин прячет под блузкой и которые, видимо, будут выставлены напоказ в бассейне.

Понимаю, что ты имеешь в виду, говорю я, но я, кажется, все же не большой сторонник того, как вы реализуете свою теорию на практике.

Я делаю глоток горячего кофе, и на секунду воцаряется полная тишина.

Ты хочешь сказать, тебе не нравится, как мы... что? – спрашивает Малин с настороженностью в голосе. Кристера и Давида явно заинтриговало то, как я теперь буду выкручиваться, но я не считаю себя обязанным выкручиваться, ни капли, потому что мне кажется, что не следует как-то щадить Малин и что-то утаивать от нее, тем более правду.

Возможно, я категорически неправ, говорю я, но тебе полезно будет услышать, что мужчины, которые заходят на ваш сайт, кстати, невероятно скучный, и выражают вам всяческое сочувствие, так вот, они делают это, чтобы поглазеть на титьки, будь то большие титьки, тяжелые титьки, продолговатые, крепкие, силиконовые – наверное, есть мужики, которые стали западать даже на малюсенькие девчачьи.

Я понимаю, тебя могут разозлить мои слова, я вижу, что так и есть, ты уже рассердилась, но тут злись не злись, ничего этим не изменишь, потому что лягушка не перестанет быть зеленой от того, что тебе это не по вкусу.

Я вижу, что моя речь произвела на нее впечатление, потому что она смотрит на меня, приоткрыв рот и выпятив губки, и хочет что-то сказать, но еще не определилась, что именно.

Однако это еще не все, продолжаю я, поскольку не исключено, что кто-то из женщин, плавающих с обнаженной грудью в бассейне, делает это с целью гордо продемонстрировать то, что вы обычно прячете. Просто об этом не очень принято говорить, по крайней мере, уж точно не в Швеции.

Я уже провел в аудитории

целый день, отличный, насыщенный денек, но все еще не освободился, можно сказать, я только начал, поэтому я перехожу к следующему слайду: бульвар Андерсена, транспорт движется в обе стороны. Главная транспортная артерия Дании и, чуть в стороне от дороги, возле ратушной площади, хрупкая фигурка в бронзе – писатель с книгой в руке. Он, кстати, сидит и в Королевском саду, плюс его изображение есть на почтовых марках.

Таким образом, продолжаю я, переходя к следующему кадру, и асфальт, на котором стоит памятник, и марки, как, разумеется, и все прочие физические оттиски и отпечатки, поддерживают историю Х. К. Андерсена на плаву. Да, все устроено именно так, хотя Русалочка и не особо впечатляет тех туристов, которые ожидают увидеть нечто вроде Эйфелевой башни, статуи Свободы или Биг-Бена.

Кто, кстати, до сих пор пользуется марками? Я спрашиваю об этом, сам не зная, к чему веду, просто что-то в аудитории мешает мне сосредоточиться.

Русалочка не только породила невероятное количество дешевых сувениров, – на сюжет сказки еще поставили мюзиклы и балеты, сняли фильмы, а в 2010 году она ездила за границу.

Пауза.

А точно ли это было в 2010-м?

Да, путешествовала, поскольку архитектор Бьярке Ингельс, тот, что построил высотку на Манхэттене и много где еще, если вы не в курсе, отправил ее ни много ни мало в Шанхай. Там она сидела в каком-то павильоне на всемирной выставке, а на набережной Лангелинии тем временем установили экран, на котором онлайн, с ужасной картинкой из-за плохой интернет-связи, транслировали, как она там сидит, в Шанхае.

Я делаю выжидательную паузу, присматриваясь к лицам в аудитории.

Многие были очень недовольны этим, ну, тем, что ее отправили в Китай, потому что ее место здесь, на камне в Копенгагене.

Хотя если принять во внимание, что китайцы купили компанию «Вольво», это очень даже в тему.

Никто не смеется моей шутке.

Я вдруг замечаю, что у меня от подмышек пахнет как-то иначе, не так, как всегда, и в ту же секунду мой взгляд падает на нарушителя моего спокойствия, прокравшегося в аудиторию и разрушившего мне весь процесс. Мой взгляд падает на Торстена.

Торстен стоит у двери. Торстен, заваленный материальными благами выше головы. Какого черта он тут делает? Никогда не поверю, что его заинтересовали Х. К. Андерсен, семиотика и вопрос одаренности. Единственная причина, по которой он мог прийти, – это чтобы собственными глазами взглянуть на типа, чьи пальцы забирались в киску его русской подружки.

Все это одно большое недоразумение,

такими словами я начинаю свой мейл Ольге, вернувшись час спустя в кабинет, но тут же стираю написанное, потому что чувствую, что мне страшно. И это не абстрактный, беспредметный страх, который мы встречаем у Киркегора. Мой страх, если задуматься, очень даже конкретный, и от него в животе что-то сжимается в комок. Я уже собираюсь домой, когда приходит эсэмэска от Бритты, которая пишет, что хотела бы при случае кое-что со мной обсудить, и это не добавляет мне оптимизма. Вряд ли можно ожидать чего-то хорошего, потому что она не пишет, о чем пойдет речь. Не надвигается ли на меня тень обвинения в сексуальных домогательствах? Не этим ли запахло? В такой ситуации уж они всем миром продемонстрируют свое неравнодушие. И Аннике это, конечно, не понравится.

Тем же вечером мы оба усаживаемся перед телевизором.

Анника забралась с ногами на диван, подобрав их под себя, мы только что начали смотреть новый эпизод сериала «Оранжевый – хит сезона» на канале Netflix. Мне кажется, он уступает предыдущим сезонам, потому что в нем ничегошеньки не происходит, притом что пустое действие еще и ужасно затянuto.

Что-то я выпадаю, какая-то скукотень, говорю я Аннике, наблюдая за тем, как заключенные женской тюрьмы в оранжевых робах выбираются с территории через дырку в заборе и купаются в близлежащем озере под умиляющий душу саундтрек.

Но Аннике так не кажется. Она совершенно не согласна. Говорит, что нельзя быть таким консервативным по отношению к новизне, которую предлагает мне эта серия, она берется объяснить, что мы только что стали свидетелями новой литературы, ожившей в видеоряде. Ладно, отвечаю я, потому что кому в этом разбираться как не ей, ведь она защищала кандидатскую по литературоведению, ее работа была посвящена тому, как на Британских островах воспринимали шведскую «рабочую» литературу 1930-х годов. Я не читал ее целиком, эту кандидатскую, но высказался в таком духе: в ней полно знаний, приобщиться к которым человечеству было бы очень даже полезно.

Она еще написала множество статей о том, что в датской поэзии часто встречаются буки и дубы, тогда как у шведских и финских поэтов в основном фигурируют хвойные деревья. Это довольно много говорит о флоре разных стран.

Я замечаю, что Анника смотрит на меня, вместо того чтобы следить за происходящим на экране, и понимаю, что это огромная жертва с ее стороны. Я поспешно улыбаюсь ей, но улыбка запаздывает. Она нажимает на паузу и спрашивает, все ли у меня в порядке. Из тебя в последнее время слова не вытянешь, говорит она.

Я отвечаю, что на работе не все гладко, но, по всем признакам, ситуация должна выправиться.

На экране в кадре застыла одна из заключенных, подметающая двор тюрьмы, пока остальные играют в баскетбол или курят. Они опять за высоким тюремным забором, все снова по-старому.

По Бритте сразу видно,

что на работе у нее сплошной стресс и не все складывается идеально, но, с другой стороны, у нее всегда такой вид, и совершенно необязательно, что за этим стоит конкретный повод. Бритта только что рассказала мне, как она счастлива тем, что ей дали кучу денег в виде гранта, и я ответил, что очень рад за нее. И добавил, что это, безусловно, заслуженно.

Однако я все еще не понимаю, зачем она меня вызвала.

Бритта спрашивает меня, комфортно ли я чувствую себя в университете и доволен ли я нагрузкой и кругом своих обязанностей. Я отвечаю, что, в общем и целом, мне не на что жаловаться, и это чистая правда. Меня все устраивает, говорю я.

У нас скоро вечеринка по случаю окончания весеннего семестра, говорит она сухо, как будто внезапно об этом вспомнив, хотя на самом деле фраза была заготовлена заранее. Если я не ошибаюсь, вы в составе комиссии, которая занимается организацией праздника?

В связи с этим, продолжает она, хотела у вас поинтересоваться, по какой причине вы не пришли ни на одно из собраний, на которые вас приглашали?

Она смотрит мне в глаза, и я не отвожу взгляд. Надо что-то ответить, это мне ясно, но на ум ничего не приходит. По крайней мере, ничего такого, чем можно воспользоваться как уважительным предлогом. Она, видимо, имеет в виду одно из тех электронных писем, которые у меня иногда как-то выпадают из поля зрения, хотя в целом я довольно исправно проверяю почту. Но поток писем бесконечен, это просто какое-то половодье, поэтому мой девиз гласит: если кто-то ограничился одним письмом, можно считать, он не посылал тебе писем вовсе. И только когда отправитель берет на себя труд отправить то же самое письмо еще раз, для меня это знак, что вопрос для него действительно важен. Но это еще не все. Настоящая причина в том, что председатель комиссии – Малин Гуйор, а я просто на дух не переношу Малин Гуйор.

Я говорю Бритте, что, естественно, в данном случае я совершил ошибку, и в будущем такого не повторится. Я все исправлю. Да, говорит она, нет никакой причины затевать конфликт, от которого всем будет только хуже.

Что-нибудь еще? Задавая этот вопрос, я чувствую, что у меня почти полегчало на душе. Меня вызывали только ради этого. Тогда спасибо за встречу и всего доброго, говорю я и ухожу восвояси.

Глава третья

При взгляде на самую крутую табличку

в моей коллекции, слезы наворачиваются у меня на глаза. Я сфотографировал ее в Вене на Южном вокзале, когда мы с Анникой оказались в тех краях на длинных выходных. Мы поехали без детей. Этот знак был установлен на платформе, к которой прибывали переполненные поезда с беженцами из Сирии.

На разных языках, не ограничиваясь немецким и английским, сообщалось, что представители австрийских властей одеты в желтые жилетки и что паспорт нужно держать наготове. Дальше шел перечень действий, которые предстояло совершить. Список заканчивался предложением, одним махом отметававшим все поверхностное, оставляя единственно важное: *ВЫ В БЕЗОПАСНОСТИ*.

В этом ракурсе я рассматриваю и ситуацию, в которой оказался сам. А именно, на скользкой дорожке, на грани катастрофы, подвергнув риску личную жизнь и карьеру, да что там, подвергнув риску вообще все, что у меня есть, я вдруг начинаю чувствовать себя *в безопасности*: уже несколько недель от Ольги ни слуху ни духу, и тень Торстена пока что не объявлялась.

Это приятное чувство, и я уже уверен, что жизнь опять вошла в привычное русло. Почему бы и нет? События же не обязаны развиваться по наихудшему из мыслимых сценариев.

Я нажимаю на иконку Spotify внизу монитора и активирую подборку песен группы Love Shop⁴, я составил ее пару дней назад. Они играют музыку, которая не пытается выдать себя за нечто большее, чем она есть, и я подумываю по этой причине, не подарить ли мне Аннике на день рождения два билета на их концерт. Один билет мне, один – ей. Она, правда, кажется, говорила, что такая музыка не в ее вкусе, но я убежден, что она изменит мнение, когда мы послушаем выступление группы вживую. Она обязана дать им шанс.

Анники нет дома. Час назад она прислала мне эсэмэску. Ей очень жаль, но придется задержаться на работе. Ее с одним из коллег назначили ответственными за организацию предстоящей кафедральной поездки с воркшопами и совместным отдыхом. Я как-то забыл про эту поездку, но Анника говорила, что планирует ехать, было такое.

Мне нужно в школу к Лерке на родительское собрание, написал я ей в ответ. Терпеть не могу родительские собрания, но в таких штуках приходится участвовать. Жизнь есть жизнь.

Начинает играть *Однажды ночью наступит лето*⁵, а я тем временем опять внимательно разглядываю свои таблички, просматриваю архивные папки. Я классифицировал их по странам, где они мне попались, по типу сообщаемой ими информации, по форме, по историям, которые с ними связаны. Тесть сказал мне, что я филателист, только помешался на табличках. Трудно с ним не согласиться. *Ихъ бин филателист*

⁴ Love Shop – датская поп-рок-группа, образованная в 1986 году.

⁵ Композиция группы Love Shop из альбома «1990».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.